

Павел Васильев и «русская идея»

*Н.П.Васильева, дочь поэта, биограф
исследователь творчества Павла Васильева*

Аннотация.

В статье рассмотрены евразийские мотивы в творчестве Павла Васильева в соотношении с понятием «русская идея».

Ключевые слова: *Павел Васильев, евразийские мотивы, русская идея.*

Профессор ПГУ (г. Павлодар) О.А. Иост выступила с работой «Павел Васильев в контексте евразийства и «русской идеи» на конференции по творчеству П. Васильева. (Павлодар, 2014) (1). Ольга Александровна отметила, что Павел Васильев является евразийским поэтом не только из-за присутствия в его творчестве восточного материала. Кроме того, и это очень важно, «П. Васильев вполне или не вполне осознанно, разделил новую для своего времени русскую идеологию евразийства». Иост делает попытку поставить поэта в ряд русских мыслителей, славянофилов-патриотов. Правда, при этом исследовательница делает оговорку – «не вполне осознанно». Я бы даже сказала просто – не осознанно. Уверена – Павел Васильев едва ли читал славянофилов и вообще не имел представления о «русской идее». Он пошел в первый класс в г. Петропавловке (Казахстан) в 1918 году. Учился в советской школе, окончил ее убежденным атеистом. Поэт свято верил в правоту революции, будучи выходцем из беднейшего крестьянства – его дед и бабушка Васильевы батрачили у купца Дерова в г. Павлодаре. В стихотворении «Раненая песня» он заявляет:

– Я хочу ходить в советских полках... (2)

Такие его стихи, как «Киргизия», «Путь на Семиге», «Турксиб» и пр. ставят его в первый ряд поэтов-романтиков XX века. Но в то же время, хотя П. Васильев о «русской идее» слыхом не слыхал, в его поэме «Автобиографические главы» мы читаем:

– Не матери родят нас – дом родит.
Трещит в крестцах, и горестно рожденье
В печном дыму и лепете огня.
Дом в ноздри дышит нам, не торопясь растит,
И вслед ему мы повторяем мненье
О мире, о значенье бытия. (3)

Этот «дом» крепко держал поэта в своих объятиях. Как раз отсюда надо вести отсчет времени. Мальчик вырос в учительской семье.

Отец его – Н.К. Васильев окончил в 1906 году учительскую семинарию, а в 1914 г. в порядке экстерната – Томский учительский институт. (4). Вот что пишет Николай Корнилович о себе: «В семинарии я рос под сильным влиянием народнических идей. <...> учительский союз выдвинул мою кандидатуру в гласные Петропавловской городской думы, куда я был избран. В думе я работал главным образом по вопросам народного образования». Мать поэта, Глафира Матвеевна, с отличием окончила гимназию, любила читать и приохотила к этому занятию всех своих сыновей. Ее отец, М.В. Ржанников был церковным старостой, глубоко религиозным человеком. Жена Матвея Васильевича – Варвара Федоровна слыла в Павлодаре ворожеей и сказительницей. Вместе с ними в их доме жили Корнила Ильич и Мария Федоровна Васильевы – тоже сказочники:

– Корнила Ильич, ты мне сказки баял,
Служивый да ладный, вот ты каков...
(Стих. «Рассказ о деде»). (5)

Таким образом в домике по ул. Чернышевского в г. Павлодаре собралось сообщество людей, каждый из которых был личностью. Все они оказали на Павлика исключительное влияние в деле воспитания в нем верности русским традициям, в том числе и православным. Так, в поэме «Кулаки» мы читаем:

– Люди верою не убоги,
Люди праведны у Черлака,
И Черлак на церквах, на боге
И на вере стоит пока. (6)

Едва ли мы найдем у других поэтов тех лет строчки в адрес церкви с такой благожелательной интонацией.

Все это отчасти повлияло «на формирование Павла Васильева, как уникального для своей эпохи поэта». (Д.А. Иост). Он отличался от всех остальных пишущих тем, что в его стихах жил мир прошлого. И не только жил – Васильев восхищался этим миром. Его царственная «Анастасия» начинается так:

– Не смущайся месяцем раскосым,
Пусть глядит через оконный лед,
Ты надень ботинки с острым носом,
Шаль, которая тебе идет...

Шаль твоя с тяжелыми кистями,
Злая кашемирская княжна,
Вытканная вялыми шелками,
Убранная черными цветами...
В ней ты засидишься дотемна. (7)

И вот какая странность васильевского письма наблюдается в этих стихах: как только от восхищения стариной поэт переходит к прославлению того нового, что входит в жизнь страны, художественность исчезает, и начинается разговор на языке лозунгов и штампов. В Анастасии поэт хочет порвать с прошлым и настроен решительно:

– Все отдать, все вымолить готов...

Поэт упрекает героиню в том, что она не понимает его:

– Смотришь, лоб нахмуря и робея,
И моих не понимая слов.

И бежит в глазах твоих Россия,
Прадедов беспутная страна...
Настя, Настенька, Анастасия,
Почему душа твоя темна.

И вот он силится доказать свою приверженность новому миру:

– Выстоять и умереть не тяжко
За страну мечтаний и побед.

Но уже эта строфа звучит, как штамп, а следующая за ней еще хуже с точки зрения художественности:

– Счастья ради, будущего ради
Выйдут завтра люди умирать.

Все эти жалкие потуги отдать пальму первенства новому миру неожиданно заканчиваются замечательной руганью в адрес героини:

– Но молчишь ты, девка расписная,
Дура в лентах, серьгах и шелках.

Тем самым положение выправлено – стихотворение вернулось в гармонию красоты. Но проблема осталась – не получалось у Васильева «шагать в ногу»: как только он хотел понравиться Власти и, если мир прошлого был уж очень хорош в его изображении, добавлял пару лозунгов, где славил новую жизнь и свершения, стихи тускнели. Потому что появлялась земная цель – понравиться – и все неземное тут же уходило из стиха. Ничего не поделаешь – закон творчества: ни строчки без вдохновения. То есть строчек как раз много, но поэзия в них напрочь отсутствует – муза ушла. Только не надо думать, что все его стихи на советскую тему были плохи – напротив, они были очень хороши, они были совершенны: радостны, победительны, несли уверенность в завтрашнем дне:

– Я не хочу у прошлого гостить,
Мне в путь пора! Пусть перелески мчатся
И синим льдом блистает магистраль,
Проложенная нами по курганам.
Как ветер прям наш непокорный путь!
Узнай же, мать, поднявшегося сына,
Ему дано восстать и победить!
(Стих. «Глафира») (8)

Странности появлялись как раз редко: когда поэт чувствовал, что уж очень хороша старина и в спешке добавлял пару лозунгов, чем портил стихи. Вопрос – почему он этого не понимал. Что-то мешало ему решительно порвать с прошлым и стать как «все». Может быть потому, что он не принимал классовой беспощадности, во имя которой были пролиты реки крови. О.А. Иост считает, что «он трезво осознал: ненависть губительна, она разрушает человека...

Поэт также пытается осмыслить происшедшие в России события». Что это за события? – Революция с рассказыванием и раскулачиванием, потом – гражданская война, потом – повторное раскулачивание и принудительная коллективизация. В поэме «Песня о гибели казачьего войска» восемнадцатилетний автор оплакал всех погибших в гражданской войне, независимо от цвета знамени, под которым сражался боец. Ему не простили плача по белоказаку. Через несколько лет в поэме «Кулаки» П. Васильев громко заявляет:

– Объявили колхоз народу,
А народ кругом супротив... (9)

И это в то время, когда всем пишущим велено было молчать о событиях в деревне, и все молчали, не смолчал только он один – Павел Васильев. Он опубликовал поэму «Кулаки» в журнале «Новый мир» в 1936 году. Критика возмущена: главный герой поэмы – кондовый российский кулак. Травля поэта достигает своего апогея, а он не унимается. Многим тогда это казалось безумием. Сейчас мы понимаем, что Павел Васильев в условиях беспощадной оголтелой травли, которой подвергло его наше общество (за малым исключением), продолжал «осмысление происшедших в России событий». Он первым понял, что «путь на крови, по которому повели Россию, тупиковый». (10). Поэт искал выход. Мало того, он нашел этот выход – национальное перемирие. Л.А Аннинский напишет: «Это и есть подлинный Павел Васильев, по лезвию проходящий то сквозь одну, то сквозь другую тему – (казаки, кулаки) (11). В своих «длинных» поэмах поэт недвусмысленно заступает за тогдашних «врагов народа» – белоказака и кулака. Своим заступничеством он призывает всех – прекратить драку. Он пытается разнять дерущихся. Попытка не удалась: его затравили и убили. Но зато Павлу Васильеву удалось указать в своих стихах путь к самоспасению: «Поэт представляет необратимый трагизм убиения людей людьми, превращающийся в смиренную христианскую молитвенность, заклинающую

об убережении братства, как единственного самоспасения» (12). Эти слова сказал о П. Васильеве Евг. Евтушенко в своей антологии («Подстреленный на взлете»). Расшифруем это достаточно сложное определение, обратившись к стихам Павла Васильева.

Поэма «Соляной бунт», пожалуй, первая и пока единственная в мировой литературе, повествующая о евразийской истории России: как казаки в своем движении на восток подвергались нападениям степных джигитов:

– Есаула Седых растянули крестом...

Не правда ли, какая жестокая казнь! А еще:

– И везли три корзины ушей (!)
Золоченому хану в подарок. (13)

Зато и казаки не остались в накладе, когда следом за ними пришли купцы:

– Возвели города над собой – золотые кресты,
А кочевники согнаны были к горам и озерам,
Чтобы соль вырубать и руду, и пасти табуны.
Казаков же держали заместо дозорных собак
И с цепей спускали, когда бунтовали аулы. (14)

Жестокость подавления бунта поражает: казак Федька Палый на всем скаку рубит старуху-байбичу:

– Выкатился глаз старушечий грозен,
Будто бы вспомнивший вдруг о чем,
И долго в тусклом, смертном морозе
Федькино лицо танцевало в нем. (15)

Первым возмутился К. Зелинский: «Но удесятеренное чувство жизни нередко выливалось у Павла Васильева в образах... натуралистических и даже неприятно физиологических». (16) И это еще мягко сказано. Нормальное человеческое сознание не может вынести всего этого ужаса, который обрушивается на нас со страниц «Соляного бунта».

Павел Васильев не единственный «жестокий» художник в русской литературе: «Исступление и отчаяние автора «Записок из подполья» казались современникам чудачеством и болезнью. Достоевский был прозван «больным, жестоким талантом» и скоро забыт. Духовная связь между писателем и поколениями 80-х и 90-х годов порвалась». (17)

Павел Васильев, как и Достоевский, не побоялся обрушить на читателя жестокость жизненных картин, но разница была, как считает Е.С. Рыбченко: «Достоевский более глубоко проникает в психологию преступника, «включаясь» в его переживания, Васильев описывает внешние действия героя-преступника: лаконично, ярко, экспрессивно». Но результат один:

читатель содрогается, и – отвращается от убийства. Поэт Евгений Курдаков написал по поводу «Соляного бунта»: «... натурализм, садизм – они от него самого, не заимствованы, это натура...» (18). Ну, это уж напрасно. Просто Курдаков начитался сплетен о П. Васильеве, которые до сих пор (!) в избытке предлагаются читателю. Сплетни сочинялись в московских гостиных, где поэт вел себя легкомысленно и напоказ. Вымысел утверждает, что Васильев был кровожаден и походил на красивого зверя. На самом деле у поэта было большое и доброе сердце, способное всех пожалеть. Почитайте его поэму – каждый эпизод, каждый пейзаж ее твердит божью заповедь: «Не убий!». Автор убеждает нас, что все живое хочет жить и боится смерти, будь то зверь, человек и даже крохотная травинка.

– Кони отшатывались
От убоя,
Им хотелось
Теплой губою
Хватать в конюшенной
Тьме овес,
Слушать утро
У водопоя
В солнце
И в долгом гуденье ос... (19)

– Гришка
(Под барабанный стук)
Губами доверчивыми
По-телячьи,
Медленно потянулся
К кресту...
И в тишине
Пыхтящей,
Без слов,
Гришке на шею
Петлю надели... (20)

– Травы хотели
Жить, жить!
И если б им голос дать,
Они б, наверно,
Крикнули: «Пить,
Пить хотим,
Жить хотим,
Не хотим умирать». (21)

Скорее согласишься с ученым П.Д. Поминовым (Казахстан), который пишет о «Соляном бунте»: «...Эта поэма – гимн всему прекрасному и доброму в

жизни... и одновременно проклятие всякому посягательству на человеческую личность и ее права». (22)

От жестокости «убиения людей людьми» в «Соляном бунте» мы в итоге приходим к «смиренной христианской молитвенности» в стихотворении «Прощание с друзьями». (23)

Начинает Васильев это стихотворение с собственного покаяния:

– Друзья, простите за все, в чем был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами...

Он принимает свою судьбу как данность, сам он всех простил и со всеми примирился:

– Хорошо в стране нашей, нет ни грязи, ни сырости,
До того, ребяташки, хорошо!

Дети-то какими крепкими выросли...

Через страдания

(Попрощайтесь, попроситесь, дорогие, со мной, я еду
Собирать тяжелые слезы страны).

– поэт приходит вместе со всеми, кто с ним рядом, к самоспасению:

– Будет вам помилование, люди, будет...

Безусловно, это предсказание светлого будущего для России.

– Обо мне ж, бедовом, спойте вы, – вот о чем всего-навсего просит он нас – поэт-смутьян и неслух, а в итоге поэт-праведник. Не пора ли нам действительно вспомнить о Васильеве – настало время выполнить его завещание. Теперь евразийство вошло в моду, так почему мы молчим о единственном в мире (!) евразийском поэте, каковым без сомнения был Павел Васильев. Это молчание уже становится неприличным.

Примечание:

1. О.А. Иост. Павел Васильев в контексте евразийства и «русской идеи»./Материалы международной конференции. Павлодар. 2014, с. 70-78.
2. Павел Васильев. Стих. «Раненая песня»//Павел Васильев. «Подымайся, песня, над судьбой». Стихотворения и поэмы. Рязань: Издательство «Пресса». 2001, с. 588.
3. Павел Васильев. Автобиографические главы//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том второй. Алматы. 2009, с. 278-279.
4. Сергей Поварцов. Судьба учителя//Сергей Поварцов. Все прошлое с нами. Омск. 2005, с. 59-75.
5. Павел Васильев. Рассказ о деде//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том первый, с. 98.
6. Павел Васильев. Кулаки//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том второй, с. 167.

7. Павел Васильев. Анастасия//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том первый, с. 263.
8. Павел Васильев. Глафира//Там же, с. 160.
9. Павел Васильев. Кулаки//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том второй, с. 167.
10. А.Ю. Хвалин. Русский исход//П.Н. Васильев. Библиографический указатель. Приморская библиотека им. Горького. 1995 г., см. 1-6 (г. Владивосток).
11. Л.А. Аннинский «Под расстрелянным знаменем, под перекрестным огнем»//Павел Васильев. Стихотворения и поэмы. Новая библиотека поэта. Санкт-Петербург. 2007, с. 3-21.
12. Подстреленный на взлете. Из антологии Евтушенко//Электронный ресурс. Путь доступа http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/national/pavel_vasiliev/
13. Павел Васильев. Поэма «Соляной бунт»//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том второй, с. 58.
14. Там же, с. 59.
15. Там же, с. 82.
16. К. Зелинский. Вступительная статья//Павел Васильев. Стихотворения и поэмы. Москва. 1957, с.
17. Е.С. Рыбченко. Ф.М. Достоевский и П. Васильев. Переключка мотивов//Павел Васильев в контексте русской и мировой литературы. Павлодар, 2004, с. 107-120.
18. Н.П. Васильева «Эмоционально-декоративный момент поэтического безвременья 20-30-х годов» (из записей Евгения Курдакова на тему А.С. Пушкина)//Материалы международной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения П.Н. Васильева. Павлодар. 2014, с. 57-65.
19. Павел Васильев. Поэма «Соляной бунт»//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том второй, с. 64.
20. Там же, с. 133-134.
21. Там же, с. 67.
22. П.Д. Поминов. Феномен Павла Васильева//Павел Васильев. Материалы и исследования. Сборник статей. Издание ОмГУ. Омск. 2002, с. 51-56.
23. Павел Васильев. Прощание с друзьями//Павел Васильев. Собрание сочинений. Том первый, с. 322-323.

Поэт русский, он же казахский (К вопросу о евразийстве Павла Васильева)

*Н.П.Васильева, дочь поэта, биограф
и исследователь творчества Павла
Васильева*

Аннотация.

Автор статьи рассматривает понятия Евразии и евразийства, определяет место Павла Васильева в евразийском единстве; доказывает, что актуальность творчества П.Н.Васильева заключается в идее миротворчества, интернационализма и патриотизма.

Ключевые слова: Павел Васильев, евразийский контекст в русской литературе.

Евгений Никольский в статье «Евразийские мотивы в творческом наследии Сергея Есенина» («Современное есениноведение». – 2007.- №7.- С.119) рассказывает о том, как русские ученые – эмигранты издали в 1921 году сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Отсюда пришло к нам понятие Евразии – срединного материка от Хингана до Карпат, «торсом» которого является Россия – она и есть Евразия.

«Туркестанский вояж» Есенина длился несколько недель: Мурманск, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина, Крым. Маршрут точно повторяет протоевразийский (протос – первый (греч.) путь, проделанный до этого Грибоедовым и Пушкиным, Веневитиновым и Лермонтовым, Фетом и Буниным. Писатели оставили нам свои творения, где отдают дань Востоку. Есенин последовал их примеру:

О, Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой,
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
В Рязани у Есенина:
Заря на крыше, как котенок, моет лапкой рот.
После Азии поэт пишет по – другому:
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко...

Никольский заключает: «Живые и яркие образы оренбургских степей не только появляются в творчестве поэта, но и видоизменяют его национальный облик, стоит Есенину войти в тему, хоть немного соприкасающуюся с евразийскими мотивами».

Но есть у нас такой поэт – русский азиат (по определению А.Хвалина), который совершенно органично остается самим собой в теме евразийства, и ему не надо при этом «видоизменять» свои метафоры.

Столичный литератор, исследуя явление евразийства, начал с Грибоедова и Пушкина, закончил Есениным, оставив русского азиата в толпе всех других (как принято писать в перечислениях: и др.). Надо полагать, что скоро мы услышим на очередной конференции что –нибудь вроде: «Евразийство С.Есенина и А.Блока». А почему бы и нет? Ведь есть же в нашей литературе замечательные «Персидские мотивы» и великолепные «Скифы». И причем тут «какой – то Васильев?» Именно так сказали мне в 1990 году в РГПИ (Рязанский государственный педагогический институт) ныне РГУ (Рязанский государственный университет), куда я обратилась с предложением устроить встречу студентов с родным братом Павла Васильева – Виктором Николаевичем (он приехал в Рязань из Омска к своей племяннице).

Вот почему я спешу опередить события и рассказать (в который раз!), что Павел Васильев в отличие от всех великих, упомянутых в статье Никольского, не гость киргизской степи, а ее местный житель. Он там родился и вырос. Л.А.Аннинский не случайно величает его: «Посланец Востока, исповедник таинственного азиатства, степной полиглот...».1

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядишь – на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письма.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

Этот сонет «какой – то Васильев» написал в девятнадцать лет.

Спустя полвека (а может быть и больше) «Литературная газета» на запрос о Павле Васильеве ответила, что это не русский поэт, а казахский. Мы долго смеялись – как можно не распознать Россию уже в первых строчках поэмы «Песня о гибели казачьего войска»?

Едет поп по улице на лошади чалой,
Идут бабы за водой, бегут девки по воду.
По каким – таким делам, по какому поводу?
Бегут девки по воду, с холоду румяные,
Коромысла на плечах – крылья деревянные.

Более того, уже в 1956 году (когда было позволено) Н. Асеев сказал о Васильеве: «он обладал чувством языка в высшей степени яркого, меткого, выходящего из самых глубин народного говора».2

А в 21 – ом веке В.Ф.Михайлов (Алматы) продолжил: «Павел Васильев был наделен редчайшим среди писателей даром – даром живой народной речи, даром русского слова во всей его красоте и силе». 3

Если мы обратимся ко второй «казачьей» поэме «Соляной бунт», в которой в отличие от «хорового» пения «Песни о гибели...», герои персонифицированы, то здесь Васильев создает не просто образы, а типы, причем типы народные.

(Часть первая.1.Свадьба)

Жених – есаул:

Девьей косою
Перекручен бич,
Сбруя в звездах,
В татарских, в литых.
Встал на телеге
Корнила Ильич.
- Батюшки-светы! Чем не жених!
Синий пиджак, что небо, на нём,
Будто одет на дерево, -
Андель с приказчиком вдвоём
Плечи ему обмеривал.
Кудерь табашный -
На самую бровь,
Да на лампасах -
Собачья кровь.

Невеста:

А у невестоньки
Личико бе-е-ло,
Глазыньки тѣ-ёмные...
- Видно, ждѣт...
- Ты бы, Анастасьюшка, песню спела?
- Голос у невестоньки - чистый мѣд...
- Ты бы, Анастасьюшка, лучше спела?

- Сколько лет невесте?
- Шашнадцатый год.

Шестнадцатый год. Девка босая,
Трёпаная коса,
Самая белая в Атбасаре,
Самая спелая, хоть боса.
Самая смородина Настя Босая:
Родинка у губ,
До пяты коса.

Васильевская свадьба с женихом, невестой, гостями буквально заслонила второй народ, который на равных присутствует в поэме и из – за которого злополучный сотрудник «ЛГ» назвал поэта казахским. Знаете – такое бывает: впервые в жизни пробежал наспех «Соляной бунт», пропустил «Свадьбу», выхватил глазами племя Джатак и решил: поэт казахский, потому что Джатак представлен так достоверно и пронзительно, что несомненно автор – один из этих несчастных степняков. Нельзя про чужой народ написать так, как будто он для тебя, что ни на есть родной и близкий. А Васильеву удалось!

Женщины медной, гулкой кожи,
В чувлуках,
Склонившие лбы.
На согнутых спинах у них, похоже,
Вместо детей сидели горбы
Тысяча отцов, отирая пот
Ладонью, другую прижав к груди.
Перебирая белое пламя бород,
Аксакалы впереди.
Плыл и плыл полуденный дым.
Молчал Джатак
В соляной петле.
Молча сидел под небом родным,
Под ветром родным,
На родной земле.
Олицетворением всего является аксакал:
В передних рядах, медноскулый,
Скуднобородый, вырос старик.
Он протянул ладонь над аулом,
Аул покачнулся,
Взвыл
И затих.
-Начальник,
Мир тебе.
Ты сыт и рыж.
Мы, собаки светлоглазых людей,

Просим в пыли, начальник,
Пойми ж,
Что соль эта –
Хитрый, горький злодей...

Пейзажные зарисовки «Соляного бунта» поражают своей дикой красотой, в которой есть нечто зловещее – это не есенинское: «Золотая дремотная Азия // О почил на куполах...».
У Васильева – всюду степь, и только степь.

Тлела земля
Соляной белизною,
Слышался дальний
Кизячий пал,
Воды
Отяжелевшего зноя
Шли, не плеща,
Бесшумной волною,
Коршун висел – висел –
И упал.
Кобчик стрельнул
И скрылся, как не был.
Дрофы рванулись,
Крылом гудя,
И цветы,
Уставившись в небо,
Вытянув губы,
Ждали дождя.

От некоторых васильевских «картинок» мы ежимся, и даже пугаемся их.

Степь шла кругом
Польнью дикой,
Все в ней мерещились:
Гнутый лук,
Тонкие петли арканов, пики,
Шашки
И пальцы скрюченных рук.

Все мелькали
Бордовые кисти,
Шелковые, нагрудные, и
Травы стояли
Суши, когтисты,
Жадно вцепившись
В комья земли...

И наконец – «много могил» - и в них:

Землю грызут безгубым ртом
И киргизы, закрытые, сидя,
И казаки,
Растянувшись пластом...

И сколько бы мы ни писали о «темной жестокой природности» поэта (Л.А.Аннинский), но все это было! Это же наша история, и ее не скроешь.

Да и не надо скрывать. Пришла пора, я думаю, пропустить Васильева с его «азиатчиной» к подрастающему поколению. Пришла пора, тем более что Казахстан еще в 1998 году ввел П.Васильева в школьную программу по литературе, и дети учат его стихи наизусть, начиная с 6 – го класса.

Очередь – за Россией.

Казахстан благодарен Васильеву за его «азиатскую серию», которую он написал залпом – за два года (1930 – 1931 гг). К сожалению, Омский историко – краеведческий словарь (1994 г., Москва) определяет эту серию как «цикл стихов о строительстве социализма в Сибири и Казахстане». Кто захочет после такой «рекомендации» читать эти стихи?

Вот одно из лучших – «Путь на Семиге». Молодые ребята, вчерашние бойцы Красной Армии, строят железную дорогу на Семиге (Семипалатинск). Их мучает голод, знобит лихорадка:

Но звезды удалялись все. Вокруг,
Подобная верблюжьей шерсти, тьма
Развертывалась. Сердце тяжелело,
А комары висели высоко
На тонких нитках писка, И тогда
Мы понимали – холод возрастал
Медлительно, но все ж наверняка,
В безветрии, но все – таки прибором
Он шел на нас, шатаясь, как верблюд,
Ломило кости. Бред гудел. И вот
Вдруг небо, повернувшись тяжело,
Обрушивалось. И кричали мы
В больших ладонях светлого озноба,
В глазах плясал огонь, огонь, огонь –
Сухой и лисий. Поднимался зной,
И мы жевали горькую полынь,
Пропахшую костровым дымом, и
Заря блестела, кровенясь на рельсах...

Герои стихотворения – подлинные евразийцы в их стремлении к жертвенному подвигу:

Тогда краснопутиловец Краснов,
Брал в руки лом и песню запевал,
А по аулам слух летел, что мы
Мертвы давно, что будто вместо нас
Достраивают призраки дорогу.
Но всем пескам, всему наперекор
Бригады снова строили и шли...

И при том, что, наверняка, Васильев понятия не имел ни о евразийстве, ни о его идеях – «примат духа над материальной стороной жизни», «приоритет коллективных ценностей над индивидуальными». Ему просто было некогда. Он работал в условиях даже не травли, а террора и уже не надеялся выжить. Киноактриса Елена Кузьмина записала в дневнике, как в их дом в январе 1937 года заявился Павел Васильев. Его привел Барнет. Гость сказал, уходя: «Ну, пойду. Прощайте. Не увидимся больше...Расстреляют гады. Не простят».4

Он сказал это за месяц до последнего ареста. Вы скажете – все это было очень давно. Может быть, и стихи Васильева утратили свою актуальность? В том – то и дело, что нет. В наше время, когда антитеррористические войны угрожают перерасти в войну наций и религий, и все интеллектуальное сообщество этим озабочено, именно Павел Васильев со своей объединяющей идеей может прийти к нам на помощь. Обратимся к статье Андрея Хвалина «Русский исход», (Владивосток, 1995 год):

«... Нет теперь Союза, а русский Иртыш несет свои воды по казахским суверенным степям. Русские, никогда не приходившие никуда с огнем и мечом, переживают время исходов от народов, с которыми долгие годы жили дружно...». И это сущая правда: в архивах Павлодара сохранилось любопытное свидетельство, подтверждающее этот факт – один из пастырей доносит в Синод на оскудение веры среди казаков: «...летом под предлогом пастьбы скота уходят в степь к безбожным киргизам, где перенимают их обычаи, едят лошадиное мясо и пьют кобылье молоко, что противно законам божьим». Вот и у Васильева в «Ярмарке в Куяндах» степняки и казаки вместе.

Пьет джигит из касэ – вина!-
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезные его тавро.
Пьет казак из Лебяжья – вина!-
Сапоги блестят до колен,

В пышной гриве его скакуна
Кумачовая вьюга лент...

И вот они вдвоем – правнуки Ермака и хана Кучума – скачут наперегонки в мирном (!) конном состязании:

И станишники смотрят – Во!-
И киргизы смеются – Во!-
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Или еще:

Русская красавица покидает джигита и поэта Мухана Башметова, и он горько упрекает ее:

Ты пахнешь, как казацкая нагайка,
Как меж племен раздоры и вражда.
Ты оттого на запад повернула,
Подставила другому ветру грудь...
Но я бы стер глаза свои и скулы,
Лишь для того, чтобы тебя вернуть!

В то же самое время и к западу поэт никаких претензий не имеет. Напротив, обращаясь к своей Музе, он просит ее:

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары – золотая мгла.
Граненные веками зеркала...
Потребуй же, чтоб шла она на запад
И встретиться с варягами могла.

(стихотворение «К Музе»)

Великий поэт – объединитель всех народов разноплеменной России (Евразии) в 30 –х годах был приговорен к немоте. Но Бог милостив – этого не случилось. Васильевское слово живет и здравствует и в России (Калининград и Тверь, Москва и Рязань, Нижний Новгород и Сургут, Омск и Новосибирск, Томск и Владивосток), и в Казахстане (Павлодар и Петропавловск, Семипалатинск и Усть – Каменогорск, Астана и Алматы).

Конечно, среди нас много равнодушных, живущих своими заботами, которые «всецело заняты собой» (В.Бояринов, Москва). Им наплевать на Павла Васильева – пусть себе молчит. Они его «не замечают» ни в казачьей теме, ни в теме евразийства – и тем подписываются под приговором 30 – х годов.

Но мы все же будем жить надеждой на то, что ликующий, патриотический, доброжелательный васильевский стих придет прямо из «самых глубин народного говора» к нашему читателю, и каждый русский будет знать его «с букваря в ряду самых славных имен отечественной литературы». 5

Примечания

1. Аннинский Л.А. «Под расстрелянным знаменем, под перекрестным огнем». Поэзия и судьба Павла Васильева. // Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы.- СПб.: Издательство ДНК,2007.- С.6.
2. Куняев С.С. Русский беркут. - М.: Наш современник, 2001.- С.452-453.
3. Михайлов В.Ф.Сердце нараспев. К 100 – летию Павла Васильева // Братина. Литературно – художественный альманах.Выпуск 4(16).- М.,2009.- Декабрь.- С. 104 – 134.
4. Куняев С.С. Русский Беркут.- М.: Наш современник, 2001.- С.412-417.
5. Шевченко С.П. Будет вам помилование, люди...Повесть о Павле Васильеве.- Павлодар:ТОО НПФ «Эко»,1999.-С.6.

